

Те же самые слова, сказанные столь же звонким и уверенным голосом. Буква в букву.

Но теперь никто и не думал сердиться. Гнев старухи мгновенно испарился, а лицо расплылось в довольной улыбке.

— Хунхун, мальчик мой, наконец-то ты вернулся! Ну же, иди скорее сюда.

Все присутствующие заметно расслабились и облегчённо вздохнули.

Прислуга бросилась угодливо забирать мокрое пальто у Хо Чухуна. Тот даже не взглянул в её сторону — вихрем пронёсся мимо и подбежал к бабушке, тут же принимаясь ластиться к ней.

— Внучок мой ненаглядный, не промок под дождём?

— Ни капельки! Папа прислал за мной машину прямо к корпусу.

— А чего же ты умчался так внезапно? Толком даже бабушке ничего не объяснил. В университете стряслось чего?

— Да нет, просто в студенческом совете срочное дело образовалось. Без меня никак не могли решить, вот и оборвали телефон, умоляли приехать.

— Ох, какой же у меня Хунхун умница! Шагу без тебя ступить не могут...

В одно мгновение из гостиной исчезло всё: и недавняя ссора, и удушливое напряжение, и сам Хо Чусяо, одиноко застывший в углу комнаты. Семья сплотилась вокруг любимца, напрочь вычеркнув старшего брата из реальности.

Тётушка Хо Илэй подняла с пола растерзанный холст и бережно вложила в дрожащие пальцы Хо Чусяо. Она крепко сжала его руку, приоткрыла рот, но так и не решилась заговорить под суровыми взглядами остальных.

Хо Чусяо слабо, вымученно улыбнулся ей:

— Всё в порядке, тётя. Я сам виноват, расстроил бабушку.

От этих слов у Илэй мгновенно повлажнели глаза. Сжимая его ладонь, она отчаянно пыталась подобрать слова утешения, но в итоге лишь тихо проговорила:

— Руки у тебя совсем ледяные. На кухне матушка Чжан как раз согрела грушевый отвар, ступай, выпей чашку. Не хватало ещё простудиться в такой ливень.

— Хорошо.

Хо Чусяо развернулся, намереваясь тихо уйти. Но в этот момент Хо Чухун окликнул его:

— Брат!

Пришлось заставить себя повернуться:

— Да, Чухун?

— Брат, ну куда ты? Иди к нам, присаживайся!

Чухун сиял, как тёплое летнее солнце. Казалось, к этому лучезарному юноше никогда не посмеет приблизиться ни одно несчастье, ни один дурной человек. Он попросту не ведал забот.

Ощущая на себе тяжёлые, ледяные взгляды родственников, Хо Чусяо негромко выдавил:

— Спасибо, не стоит. Я... пройдусь немного. На улице сейчас красивый дождь.

Хо Чухун с пониманием кивнул и восхищённо протянул:

— Сразу видно творческого человека! Мне бы и в голову не пришло любоваться грозой.

Бабушка, только что таявшая от нежности, мгновенно нахмурилась и строго оборвала внука:

— И не думай забивать голову подобной чепухой, как твой брат. Всё это пустая блажь, бесполезная трата времени. Столько лет на учёбу угробил, а толку — ноль.

Любимчик тут же послушно защебетал:

— Конечно, бабушка, я всё понял!

Хо Чусяо застыл в резной беседке посреди небольшого сада, безучастно глядя в раскинувшуюся перед ним серую, промозглую темень. Налетающие порывы ветра бросали в лицо холодные капли, но он их не замечал.

Оглянувшись, он увидел тёплый, золотистый свет, льющийся из резных окон старого семейного

особняка. Но этот уютный свет обрывался у самого порога, не достигая его одинокой фигуры.

В доме уже накрывали на стол, но его отсутствия никто не заметил. Тётушка Илэй, сославшись на дела по работе, уехала почти сразу, и больше в этой семье не осталось человека, которому было бы до него дело.

Ливень разошёлся не на шутку. Промокнув до нитки, Хо Чусяо тупо смотрел на мокрые каменные плиты дорожки, в которых тускло отражался лунный свет, напоминая дорожки пролитых слёз.

Он медленно опустился на корточки, обхватил колени руками и зажмурился.

"Как было бы хорошо, если бы этот маленький кокон остался моим единственным миром..."

Около десяти часов вечера дворецкий вышел на обход усадьбы. Заметив в саду сжавшийся силуэт, он вздрогнул от неожиданности, и фонарь в его руке качнулся.

—... Молодой господин Хо?

Подойдя ближе и направив луч света на лицо юноши, мужчина шумно выдохнул от облегчения:

— Что вы здесь делаете в такой час? Сидите в темноте, точь-в-точь как...

«...призрак, аж мороз по коже», — дворецкий вовремя прикусил язык. Одно дело — перемывать косточки нелюбимому старшему сыну вместе с прислугой на кухне, и совсем другое — хамить ему в лицо.

Хо Чусяо опёрся о холодную каменную колонну беседки, с трудом заставил себя подняться и вежливо, натянуто улыбнулся:

— Извините, что напугал вас. Я уже возвращаюсь.

Держался он подчёркнуто кротко и осторожно, точно незванный гость в чужом доме.

Когда он вернулся в гостиную, прислуга уже убирала со стола остатки десертов и фруктов. Семья, очевидно, долго засиделась за ужином, весело переговариваясь и не вспоминая о нём.

Домашние слуги проходили мимо Хо Чусяо как мимо неодушевлённого предмета интерьера, даже не кивая для приличия. Боясь помешать или привлечь ненужное внимание, он поспешил наверх. Быстро умывшись, Чусяо скрылся в своей маленькой спальне в самом конце коридора второго этажа.

Чтобы заглушить ноющую тоску и уснуть, ему пришлось принять две таблетки снотворного.

Наутро ожидаемо дали о себе знать последствия ночной прогулки под ливнем — он простудился. Стоило ему спуститься в столовую и пару раз чихнуть, как бабушка брезгливо поморщилась:

— Батюшки, посреди лета умудриться подхватить простуду! Ступай-ка отсюда подальше, не ровен час меня, старуху, заразишь...

Завтракавший с ней дядя небрежно отмахнулся от племянника, точно от назойливой мухи:

— Чусяю, раз заболел — марш лечиться. У твоей бабушки в таком возрасте иммунитет слабый, неужели сам не понимаешь? Прояви хоть каплю заботы о пожилom человеке.

Хо Чусяю тихо извинился. Разумеется, завтрак для него никто не готовил. Остаться в этом удручивом доме не хотелось, и он сразу уехал в офис.

В восемь утра он уже отметился на проходной. Последний год он неизменно приходил в офис раньше всех. Наспех съев варёное яйцо и запив его растворимым лекарством от простуды, Хо Чусяю засел за работу. Нужно было довести до ума проект, который отец вчера так яростно забраковал.

Он трудился не разгибая спины до часу дня. Когда он наконец вышел из кабинета, все сотрудники уже разошлись на обед. В просторном опенспейсе стояла гулкая тишина. Никто из коллег даже не заглянул к нему, чтобы позвать с собой или предложить захватить ланч-бокс.

"Ничего, я привык, — успокоил себя Чусяю. — А раз привык, то и обижаться глупо".

Положив обновлённый проект на стол отца, он замер у порога, стараясь сдерживать кашель и ловя каждый жест родителя.

В давящей тишине просторного кабинета председателя раздавался лишь сухой шелест переворачиваемых страниц. Хо Чусяю понуро разглядывал паркет, пытаясь угадать в тёмном пятне у своих ног очертания различных предметов. После того как он забросил кисти и краски, это детское развлечение осталось его единственной отдушиной.

Когда он насчитал семнадцатую фигуру, отец с глухим стуком швырнул папку на стол. Чусяю вскинул голову, в его глазах вспыхнул робкий огонёк надежды.

Отец неторопливо сделал глоток чая. Голос его звучал на удивление спокойно, без привычных ледяных ноток.

— Этот проект... ты сам составлял?

Хо Чусяо поспешно закивал:

— Да, я исправил все недочёты, на которые вы указали вчера, и изучил архивы за прошлые годы...

— И никто тебе не помогал?

— Конечно нет. Кому бы... — Чусяо грустно усмехнулся. Ему хотелось сказать, что в этой компании его замечают меньше, чем уборщиков, так с чего бы кому-то предлагать помощь?

Но в следующий миг Хо Юаньшань с силой обрушил кулак на стол. Чайная чашка жалобно звякнула.

— Лжец! Хочешь сказать, Лао Шэнь и его отдел не приложили к этому руку? Да ты в жизни один бы не выдал проект такого уровня!

Разъярившись окончательно, отец схватил многостраничный отчёт, смял его в ладонях и, недолго думая, засунул в прорезь шредера.

— Папа, нет! — Хо Чусяо рванулся вперёд, пытаясь спасти плоды своих бессонных часов работы, но наотмашь пущенная ладонь отца с хлестким звуком опустилась на его щеку.

Раздался звонкий удар.

Хо Чусяо застыл на месте, ошеломлённо прижав ладонь к горячей щеке.

Отец, тяжело дыша от ярости, ткнул в него пальцем:

— С твоей никчёмностью я ещё готов мириться. Но ты смеешь лгать мне прямо в лицо! Посмотри на себя, детина вымахал, а ума — ни гроша! Ты и мизинца своего младшего брата не стоишь! Вон отсюда! С глаз моих долой, чтобы я тебя сегодня больше не видел!

Под монотонное жужжание шредера Хо Чусяо медленно перевёл взгляд на уничтожаемые листы. Он приоткрыл рот, но не смог выдать ни единого слова. Да и какой в этом смысл? Отец всё равно его не услышит.

С трудом переставляя негнувшиеся, словно налитые свинцом ноги, он побрёл к выходу.

— Погоди! — полетел ему в спину резкий голос. — Сегодня же собери свои манатки и освободи

кабинет. Через пару дней твой брат выходит на стажировку, он займёт это помещение. С какой стати такому бездельнику, как ты, сидеть в отдельном кабинете? Иди в общий зал, поработаешь со всеми.

Когда Хо Чусяо перетаскивал коробки с вещами на новое рабочее место в общем зале, коллеги откровенно пялились на него, перешёптываясь.

Но ловя на себе эти косые взгляды, он упрямо заставлял себя улыбаться. Он должен улыбаться. Иначе его возненавидят ещё сильнее — ведь все вокруг твердили, как их раздражает его вечно унылая физиономия.

Заметив эту кроткую улыбку, один из клерков поспешно отвернулся и тихо фыркнул сослуживцу:

— Ну и кожа у него толстая. Его попёрли из кабинета, а он лыбится стоит.

В этот момент в отдел вошёл начальник департамента, ведя за собой юношу:

— Минутку внимания, коллеги! У нас новый стажёр, прошу любить и жаловать. Давай-ка я познакомлю тебя с командой...

Обстановка мгновенно разрядилась, все с облегчением переключились на новичка, перестав глазеть на опозоренного директорского сына. Обойдя весь зал, начальник наконец подошёл к столу Хо Чусяо, который только успел присесть на новое место.

— А это... кхм, гордость нашего отдела, сын председателя — Хо Чусяо. Чусяо, познакомься, это...

Но прежде чем начальник закончил фразу, глаза стажёра восторженно округлились. Он сам порывисто протянул руку растерявшемуся Чусяо:

— Я знаю вас! Вы же Хо Чусяо, «Золотая кисть» Академии искусств Университета А! — лицо паренька так и сияло. — Я из соседнего вуза. О вас там легенды ходят! Тот ролик, где вы рисуете прямо на паре, наши девчонки до дыр засмотрели. Все только и говорили...

Стажёр без умолку трещал, а Хо Чусяо чувствовал, как под перекрёстными взглядами коллег его лицо заливают краска стыда. Сотрудники разглядывали его со смесью недоверия и насмешки, словно беззвучно спрашивая: «Серьёзно? Этот недотёпа — гений?»

К счастью, начальник вовремя вмешался и увёл болтливого новичка под предлогом экскурсии по офису. Лишь тогда Хо Чусяо смог перевести дух и сесть за работу.

До его слуха из-за соседней перегородки донеслось ехидное шушуканье:

— Надо же, мелкий с порога подлизываться начал. «Золотая кисть», надо же выдумать...

— Да ладно тебе, лизнул так лизнул, только не тому человеку. Был бы он таким гением, неужели сидел бы здесь? Наверняка после выпуска его никуда не взяли, вот и пристроили семейным паразитом бумажки перекладывать.

Хо Чусяо поспешно надел наушники и включил первую попавшуюся мелодию.

"Не слушать... Просто не слушать. Если не слышишь — не будет больно".

Разве он не сделал этот выбор сам, когда отказался от искусства? Что стоила любимая живопись по сравнению с одобрением родителей?

Нужно просто постараться ещё немного. Он обязательно заслужит их любовь... Если приложит ещё капельку усилий.

К концу рабочего дня Чусяо снова остался в офисе один. Он упрямо составил совершенно новый, гораздо более проработанный проект и как раз собирался отнести его отцу, когда тот сам неожиданно вошёл в общий зал.

— Хватит разыгрывать тут трудовой героизм. Выключай компьютер и живо за мной. Есть дело.

Садясь в представительский автомобиль отца, Хо Чусяо почувствовал, как на душе стало немного теплее. Он впервые за всё время ехал с ним вместе.

Но, всмотревшись в мелькающие за окном улицы, он удивлённо приподнял брови:

— Папа, мы ведь едем не домой.

Отец недовольно покосился на него:

— Я же сказал: есть дело. Человеческого языка не понимаешь?

Хо Чусяо притих и до конца поездки больше не проронил ни слова.

Машина затормозила у входа в роскошный ресторан. Под яркими огнями швейцар угодливо распахнул дверь перед старшим Хо, в то время как Чусяо молча выбрался с противоположной стороны салона.

— Держи язык за зубами и не вздумай меня опозорить, — раздражённо бросил отец напоследок.

— Хорошо.

Молчать — в этом искусстве ему не было равных.

В вип-кабинете на втором этаже их уже ждали. Стоило официанту открыть дверь и впустить Хо Юаньшаня, как сидевший за столом мужчина поднялся навстречу, расплываясь в приветственной улыбке.

Хо Чусяо вежливо поздоровался, прячась за широкой спиной отца:

— Здравствуйте, дядя Цзи.

Пожилой мужчина, дядя Цзи, с интересом оглядел его и одобрительно кивнул:

— Чусяо, какой же ты статный вырос. Только вот осунулся с нашей последней встречи. Совсем себя на работе не жалеешь, а?

— Да какая там работа, бездельничает целыми днями... О, а это твой оболтус?

Проследив за взглядом отца, Хо Чусяо заметил в углу комнаты второго гостя. Тот даже не подумал встать, чтобы поприветствовать вошедших. Мужчина небрежно прислонился к подоконнику и курил, глядя в окно.

Широкие плечи, узкие бёдра, высокий рост — камуфляжные армейские брюки и плотно затянутый ремень выгодно подчёркивали безупречную фигуру. Несмотря на летний зной, на ногах у него были высокие армейские ботинки, а рукава плотной рубашки закатаны до локтей. Когда он затягивался сигаретой, под его загорелой кожей отчётливо перекачивались рельефные мышцы и проступали напряжённые вены.

Услышав голоса, мужчина обернулся, и Хо Чусяо невольно затаил дыхание. Лицо незнакомца дышало хищной, резкой красотой. Ростом под метр девяносто, с ровным бронзовым загаром и короткой армейской стрижкой-ёжиком — Чусяо никогда бы не подумал, что такой простой причёске можно придать столько дерзкого шарма. Во всём его облике, от упрямого излома бровей до насмешливого прищура, сквозило такое бунтарское высокомерие, что становилось ясно: с этим парнем шутки плохи. И всё же оторвать от него взгляд было невозможно.

— Цзунмин, води себя прилично! Быстро подошёл и поздоровался! — строго прикрикнул дядя Цзи.

— Да брось ты, парень молодой, горячий. Характер — это хорошо, — великодушно отмахнулся Хо Юаньшань.

— Ох, не хвали его, Юаньшань. Ты даже не представляешь, какой у этого паршивца скверный нрав. В армии от него все выли, чистый дьявол во плоти... — Дядя Цзи вдруг осёкся, словно вспомнив о чём-то, и поспешно добавил: — Но есть у него один несомненный плюс: на доброту он всегда отвечает взаимностью. Наш Чусяо такой мягкий, так что если они...

Хо Юаньшань предостерегающе поднял руку, призывая собеседника не торопить события.

Дядя Цзи понимающе перевёл взгляд с сына на Хо Чусяо, понимающе улыбнулся и увёл старшего Хо к столу — пить чай и обсуждать дела. Напоследок он бросил сыну:

— Ну что застыл? Потуши сигарету и пообщайся с гостем.

Лишь когда Цзи Цзунмин ленивой, покачивающейся походкой хищника направился в его сторону, Хо Чусяо запоздало сообразил, что общаться тот должен именно с ним.

Старшие нарочито увлеклись беседой, давая молодым людям возможность остаться наедине. Цзи Цзунмин мазнул по ним презрительным взглядом, после чего перевёл взор на зажатого, бледного Хо Чусяо. На его губах заиграла злая, ироничная усмешка.

Оценив робкую позу парня, Цзунмин негромко хмыкнул и без лишних предисловий обрушил на него удар обухом по голове:

— Что ж, раз нас обоих выставили семейными козлами отпущения, давай знакомиться. Я твой будущий муж.

Глаза Хо Чусяо округлились от шока.

— Что?!

<http://bllate.org/book/20402/2106048>